

УДК 94(44):930 (73)

Меер Е.С., кандидат исторических наук, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (Россия)

ПРОБЛЕМА КЛАССОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗИИ В ТРУДАХ АМЕРИКАНСКОГО ИСТОРИКА С. МАЗЫ

В статье рассматривается современный эпизод из истории ревизии образа французской буржуазии в англоязычной историографии. Автор показывает, что в конце XX – начале XXI вв. американский историк Сара Маза поставила проблему идентичности данного класса в период времени с 1750 по 1850 г. и выдвинула гипотезу для размышлений – о его несуществовании в социальном воображаемом. В ходе исследования прослеживается, как историк приходит к постановке этого вопроса, раскрывается сущность социо-культурного подхода С. Мазы, демонстрируются оценки ее взглядов со стороны научного сообщества.

Ключевые слова: французская буржуазия, американская историография, Сара Маза, классовая идентичность, социальное воображаемое, социо-культурный ревизионизм, дискурс, историческая имагология, гендерная история.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-01-111-120

Споры о связи буржуазии и французской революции активно ведутся в англоязычной историографии с 1950 гг. благодаря историкам-ревизионистам. На рубеже XX – XXI вв. мы можем наблюдать выход дискуссий по проблеме на новый уровень. Ранее ревизионисты пересматривали капиталистический облик французской буржуазии (дореволюционной, революционной или постреволюционной), интересы, мотивацию, ценности составляющих ее групп [1, с.142–143; 2, с.105–112]. В последние десятилетия под влиянием новых направлений в исторических исследованиях речь идет уже и о ревизии представлений о классе на уровне идентичности.

С данной инициативой выступила историк Сара Маза, но данный аспект ее научного творчества еще не получил освящения в современной российской историографии. В данной статье мы попытаемся на основе дискурсивного анализа оценить ее вклад в постановку и решение проблемы в контексте тех рефлексий, которые вызвали ее взгляды в историческом научном сообществе. В качестве источников нами использовались монография С. Мазы о мифе французской буржуазии, опубликованная в 2003 г., ряд ее статей по

данной проблеме, рецензии самого историка на труды по идентичной тематике, рецензии других специалистов на ее книгу, исследования, в которых обсуждаются ее позиции.

Сара Маза представляет собой интересный пример ученого, совместившего в себе разные идентичности. Женщина, американка еврейского происхождения, она выросла во Франции и закончила университет в Провансе в 1973 г., а позже связала свое дальнейшее образование, научную и профессиональную карьеру с

США, став магистром истории в 1975 г., защитив диссертацию в Принстонском университете в 1978 г. и работая в течение многих лет в Северо-западном университете в Иллинойсе [17, р.193–194; 19]. Она сама признает, что эта многогранность социально-культурного опыта делает ее близкой тому пересмотру, который она попыталась осуществить в отношении классовой идентичности французской буржуазии.

Французская буржуазия – предмет ее третьей по счету монографии, и изучение этого класса является третьим этапом в научной карьере исследовательницы.

Пристальное внимание данная тема получает в ее статьях с начала 1990-х гг., а после публикации книги о мифе французской буржуазии в 2003 г., в последующее десятилетие, несмотря на очередную смену научных интересов, она распространяет свое ревизионистское видение во Франции и на страницах англоязычной справочной литературы.

Ее симпатии к историкам-ревизионистам отчетливо прослеживаются в статье 1989 г. «Политика, культура и истоки французской революции», в которой она обсуждает течения в ревизионизме и первый том издания «Французская революция и современная политическая культура», один из продуктов политико-культурного подхода. Между тем, отдавая ему должное, она считает его ограниченным и предсказывает в скором времени возврат к социальной истории на новом уровне. Сама она заявляет об интересе к социальным образам, созданным в культуре, которой пренебрегли Франсуа Фюре и его последователи. Но пока отчетливо видно, что она еще не начала своей ревизии идентичности буржуазии как класса, ибо она отмечает, что в предреволюционной Франции с 1760-х гг. театр и живопись создавали образ добродетельной семьи среднего класса (именно это С. Маза уже очень скоро станет отрицать) [16, р.721–722].

Непосредственный интерес к проблеме французской буржуазии историк проявила в ходе дискуссий на страницах журнала «Французские исторические изучения» в 1992 г. В статье «Женщины, буржуазия и общественная сфера: ответ Даниэлю Гордону и Дэвиду Беллу» при обсуждении понятия «буржуазная культура» у марксистского социолога Юргена Хабермаса С. Маза призвала обратиться к ее изучению. Она проявила интерес к выводам «нового левого» историка Колина Джонса [17, р. 228] о развитии «гражданского» профессионализма среди разных категорий буржуазии в условиях развития коммерциализации и сферы потребления

в предреволюционной Франции. Этим она вызвала недоумение у ревизионистов Д. Белла, который сомневается в необходимости возвращения буржуазного в исследование социо-культурных изменений [4, р. 954–956], и Д. Гордона, который не понял, пытается ли она восстановить марксистскую надстройку или нет, но счел, что она, видимо, ниспровергает ревизионизм [9, р. 951]. У С. Мазы же, на наш взгляд, речь идет о попытке отделить буржуазную культуру от капиталистических и индивидуалистических ценностей. Что интересно, в этой работе она утверждает, что в предреволюционной Франции были люди, склонные называть себя «буржуа», что, вероятно, следует трактовать как признание ею наличия соответствующей положительной классовой идентичности, что позже она делать перестанет [18, р. 937–942].

В последующее десятилетие станет понятно, что С. Маза, ученица Мишеля Вовеля [17, р. х], не сможет быть идентифицирована с левыми историками и займет место в ревизионистском списке исследователей. «Социальное воображаемое», а не «буржуазная культура» станет ключевым термином в ее монографии 2003 г. «Миф французской буржуазии...». Эта книга является вкладом в социо-культурную историю, может быть оценена как продукт лингвистического поворота и осуществляет дискурсивный анализ. Речь идет об изучении репрезентаций, и с этой точки зрения это исследование может быть отнесено к исторической имагологии. Кроме того, по мере возможностей, историк использует и гендерный подход [17, р. 7–11]. В отличие от политико-культурного ревизионизма Ф. Фюре, ее социо-культурный ревизионизм базируется на признании связи между социальной реальностью и воображаемым, во всяком случае это является намерением С. Мазы [17, р.117–118].

Автор использует в основном печатные источники – словари, памфлеты,

трактаты, хроники, труды историков, политических мыслителей, переписку, газеты, полицейские отчеты, протоколы судебных заседаний, декреты, а также литературные произведения (романы, пьесы), столь ею любимые и т.д. Они написаны, за редким исключением, мужчинами и для мужской аудитории, что особо подчеркивает С. Маза [17, p.10, 210–241].

Это исследование, как и другие модели ревизионизма, исходит из отрицания мифа [17, p.12]. В данном случае, опровергается существование буржуазии как класса на основе критерия отсутствующего самосознания. Сами представители буржуазии существуют, но не признают себя членами данного класса, не идентифицируют себя как таковые, не оформляют идентичность посредством языка, не имеют своего нарратива. Образ буржуазии выступает, с точки зрения автора, «козлом отпущения», конструктом, содержащим преимущественно негативные коннотации, враждебным Другим [15, p.22–23; 17, p. 5–7, 13].

С. Маза пытается объяснить на протяжении века (с 1750 по 1850 г.), как это работает. В своей книге, статье на французском языке 2007 г. и разделе, посвященном классу в «Оксфордском справочнике Старого порядка» (2012 г.) она рассматривает французскую буржуазию в рамках трех периодов – дореволюционного, революционного и постреволюционного.

С. Маза показывает, что в дореволюционном социальном воображаемом буржуазия не находится в центре общественного дискурса, это место прочно занимает дворянство, именно о его судьбе и его роли идут споры, именно оно является то героем, то злодеем истории. Исследовательница не отрицает имевшихся нейтральных определений класса, но подчеркивает, что буржуазия преподносилась как двойник дворянства, обладающий его недостатками (например, привилегиями как верхушка городского общества), но не его достоинствами (например,

культурой поведения), поскольку воспринималась как переходная категория, «чудовище», «полукровка», по словам С. Мазы. Положительные коннотации образа, когда они имеются, связаны с домашним, частным миром (например, качественной едой и вином), а не с общественной сферой. Поскольку домашнее пространство ассоциируется с женскими образами, буржуазность является феминной, но не маскулинной, и только в таком виде одобряется [13, p.128, 135–136; 15, p.24–25; 17, p. 21–36, 194–195].

Кроме дворянства, в центре социального дискурса в предреволюционной Франции находилась проблема роскоши. Здесь С. Маза вновь обращается к материалу К. Джонса, доказывающему, что перед революцией активно происходил процесс коммерциализации и развития сферы потребления, но показывает на уровне социального воображаемого, что общество увязывало эту проблему не с развитием капиталистического класса, а с существующим перемещением сельских жителей в города, причем считалось, что портилось от роскоши все население, вне зависимости от класса. В качестве решения для проблемы социальный дискурс предлагал нации развитие сентиментальных семейных связей, стирающих классовые границы (поэтому «буржуазная драма» не может быть оценена как таковая), и идеализированный образ сельского мира [13, p.136–137; 15, p.25–26; 17, p.11, 41–68].

Что касается французской революции, то на уровне социального воображаемого она не сделала буржуазию героем, ибо социальное противостояние описывалось как разворачивающееся между аристократией и третьим сословием. Последнее же воплощало нацию, которая в дискурсе оставалась неделимой. Если же буржуазия появлялась в нем, то в основном в негативном ключе как двойник дворянства («буржуазная аристократия»), снова как негативный Другой [13, p.134;

15, р.26–27; 17, р.11, 68–101].

В период Реставрации у либеральных историков и депутатов Франсуа Гизо, Огюстена Тьерри, Пьера Поля Руйе-Коллара, Мартина де Грея и других автор наконец находит положительную буржуазную идентичность, формирование которой она связывает с переходом монархии к реакции в 1820-е гг. после убийства герцога де Берри, т.е. с конкретной политической ситуацией, что означает, что социальное может конструироваться через политическое, идея, которую С. Маза особо подчеркивает. Именно при принятии ограничительного избирательного закона 1820 г. начинаются дискуссии, в ходе которых активно привлекается историческая аргументация и пересказывается эпопея восхождения коммун. При этом С. Маза показывает, что у О. Тьерри (ученика Сен-Симона) предреволюционная буржуазия сродни производительному третьему сословию, а идеалом для Ф. Гизо является класс государственных служащих, а не капиталистов. Стоит признать, что в случае депутата Мартина де Грея С. Маза приводит отличные образцы воспеания именно капиталистической буржуазии. Что касается буржуазной монархии Луи-Филиппа, то автор считает, что время, когда была сделана заявка на такую идеологию, было временем и ее поражения. Буржуазия собрала негативные коннотации от правых и левых сил, от писателей и художников – материализма, эгоизма, обогащения, бездуховности и не смогла стать идеалом для французского общества. Альтернативой подобному образу в социальном воображаемом стал идеал служения государству, который у автора ассоциируется с профессионализмом на благо всего общества, а не с преследованием индивидуальных выгод буржуазией. Этот идеал восходит к дворянской меритократии Старого порядка и активно развивается во Франции с 1793 г., особенно при наполеоновской империи [13, р. 137; 15, р.23, 27–37; 17, р. 5–6, 13,

130–133, 138–192, 195, 197]. Те самые ценности, которые С. Маза в 1992 г. вписывала в рамки буржуазной культуры, теперь остались у нее за рамками буржуазной идентичности.

Важно учесть, что историк придерживается мнения, что капитализм был маргинальным для Франции до 1850 гг. Только тогда, по ее мнению, наконец происходит промышленный переворот. Этот момент она считает важным в объяснении того, почему на протяжении века не появляется позитивная идентичность капиталистов [17, р. 103, 108, 163–164]. С другой стороны, она задается вопросом, отчего капиталистические ценности приобретают столь негативную окраску, если капитализм не играет существенной роли. С. Маза отмечает, что литераторы, которые создавали отрицательный образ, были зависимы по своему положению от деловых людей и испытывали к ним неприязнь. Историк особо подчеркивает, что материалистический Другой был необходим, чтобы оттенить универалистский образ государственного служащего [17, р.130, 183].

Не совсем понятно, появляется ли положительная идентичность класса, по мысли С. Мазы, за чертой изучаемого ей века, когда промышленная революция все-таки прошла и по идее должно было появиться индустриальное общество. Создается впечатление, что негативный образ буржуазии – это типичная ситуация французского общества до сих пор. Но это не характерно для англоязычных стран, особенно для США, считает историк, где средний класс с гордостью признает себя [17, р. 2].

У исследовательницы буржуазная идентичность является проблемной для Франции. Она представляет для французов негативный конструкт, как и евреи, особенно в XIX в., или американцы во времена Де Голля. Эти Другие, признает автор, имеют свои различия, но могут и пересекаться по содержанию [17, р. 25, 199–203].

Помимо буржуазии С. Маза рассматривает в своей работе понятие «средний класс», фигурирующий в отношении французской буржуазии в основном в англоязычной литературе и крайне редко во Франции. Она показывает мифичность среднеклассового сознания в этой стране, за исключением 1820-х гг., так как, и до революции, и в ходе ее и после буржуазия не оказывается в середине французского общества [15, p.30; 17, p.39, 67–68, 100–101, 196].

В намерения С. Мазы входило спровоцировать обсуждение [15, p.23], а ее ключевой тезис об отсутствии буржуазии как класса во Франции выступает как крайняя гипотеза [17, p. 5–6], красная черта, переступив которую, дальше идти уже некуда, ибо это максимальный предел ревизии. В этом контексте реакции, проявленные в историческом научном сообществе, рефлексии, предложенные исследователями в данной области, представляют особый интерес.

Имеющиеся отклики были опубликованы англоязычными историками. Все рецензенты, за исключением американского историка Сисси Феачилдс [7, p. 159], поняли, что С. Маза не отрицает само существование людей, составляющих класс. При этом никто из авторов не готов выйти за красную линию и рискнуть отказаться от существования класса французской буржуазии, даже понимая всю смутность границ ее социального бытия.

Есть разные варианты возражений. Например, американская исследовательница Кристин Адамс указывает на примеры, приведенные в работе самой С. Мазы, которые противоречат ее тезису, например, случай с анонимным революционным автором, который хвалит «производительную буржуазию» [3, p.629–630]. Американский историк Джил Хасэн действует в том же направлении. Пример с буржуазной национальной гвардией, кажется нам, как и рецензенту, доказатель-

ством скорее в пользу существования положительной идентичности буржуазии в революционную эпоху. С другой стороны, фраза жирондиста Жерома Петиона из опубликованного в 1791 г. письма, которую анализирует С. Маза и к которой обращается Дж. Хасэн, по нашему мнению, свидетельствует все же о негативном образе буржуазии, уподобляемой дворянству, от которого дистанцируется и сам Петион [11, p.271].

С. Феачилдс, специалист по французской розничной торговле, как нам кажется, указывает на то, что можно найти не просто позитивную идентичность, а именно связанную с капиталистической буржуазией лавочников, когда она предлагает найти другое социальное воображаемое в иных источниках, нежели предложенных С. Мазой (речь идет о провинциальных газетах и дебатах по упразднению гильдий, введению новой налоговой системы и земельного кредита) [7, p.161].

Неомарксистский историк из Канады Генри Хеллер написал целую статью в ответ на книгу С. Мазы, в которой он анализирует дискурс, чтобы показать, что именно в течение революции появляется сознание французской буржуазии, конструктивное, и более того ассоциированное с капиталистами, что класс существовал и в реальности, и в голове. На наш взгляд, как и в случае с С. Мазой, ее оппонент не всегда удачен в своих примерах, но есть и убедительные, как в случае с обсуждением письма Петиона. Во всяком случае дискурс фельяна Андре Шенье о буржуазии (среднем классе) как «истинном народе» по сравнению с дворянством и массами, которую этот политик превозносит, выглядит хорошей иллюстрацией для возражений Г. Хеллера. А определенный образ капиталистов, ради которых была сделана революция, имеется у этого политика, если верить канадскому историку, в «Размышлениях о духе партии» [12, p. 204–206]. Самый излюбленный пример Г. Хеллера, который он

рассматривает как свой самый сильный, это дискурс Пьера Луи Редерера, бывшего жирондиста, в работе «Дух революции 1789 г.», которая была написана к концу 1815 г., но опубликована только в 1831 г. Именно у него он находит образ «экономической буржуазии» – капиталистов в городе и деревне, подчеркивая ее привязку вместе с «неэкономической буржуазией» к революции [12, р. 208–211]. Случай с фельяном А. Барнавом из промышленного Дофине, который в классической историографии французской революции обычно рассматривался как типичный пример первого осознания экономической интерпретации революции современниками, трактуется и С. Мазой, и Г. Хеллером по-разному. С. Маза не видит в его работе идентичности капиталистической буржуазии, Г. Хеллер же наоборот подобное сознание наблюдает, пусть и в зачаточном виде и не такое яркое, как у Редерера. Нас и тот, и другой варианты анализа терминологии скорее озадачивают, примеры отрывочны и не слишком убеждают [12, р. 197–198; 17, р. 120–121].

Еще один вариант возражений предложен опять же К. Адамс. Она выступает за то, чтобы отдать «гражданский профессионализм» бюрократии первой половины XIX в лоно буржуазных ценностей, и тогда появится положительная буржуазная идентичность [3, р.629]. Это кстати звучит логично, учитывая, что буржуазия – это широкий термин, и не понятно, почему после революции С. Маза вдруг стала выносить за его рамки категории, не связанные с капиталистическим производством. Тем более, что сама историк в 2001 г. проявила интерес к монографии К. Адамс «Вкус к комфорту и статусу: буржуазная семья во Франции XVIII в.». В этой книге ее привлекло сознание семьи баристера Даниэля Ламота из Бордо, включавшей пять сыновей. Никто из них не имел отношения к торговой деятельности в столь богатом на деловую активность городе. Они освоили профессии

юриста (трое из них), врача и священника. Родители вкладывали деньги в образование сыновей, которое было весьма дорогим, а доход от профессий не особо значительным. Мужчины этой семьи были ориентированы на служение семье, региону и реализацию профессиональных качеств во имя общественного блага, а не на рынок и осуществление личных амбиций. Только один из них мог позволить себе жениться, вероятно, вследствие семейной стратегии сохранения имеющегося состояния. Дочери же в семье остались незамужними и принесли жертвы ради общего блага [13, р.129; 14, р. 682–684]. Аргументации К. Адамс созвучны доводы американского историка Сюзен Дизен, которая считает, что в постреволюционный период государственные служащие могли создать сильную идентичность для среднего класса и выстроить отношения между буржуазией и французским государством. К сожалению, не совсем понятно, что в конкретном месте имеется ввиду под буржуазией, сами профессионалы или капиталисты, для которых первые выступали бы как посредники [6, р. 94].

Другого рода контраргумент выдвигает австралийский историк и специалист по парижской буржуазии Дэвид Гэрриоч. Он считает, что не стоит впадать в крайность языкового детерминизма, и напоминает нам, что преступники вряд ли называют себя преступниками, хотя так их называют другие и у них имеется соответствующее поведение. Если в дискурсе термин негативен, то вряд ли члены класса захотят себя так называть. Поэтому класс имеет место быть, и данный автор не пытается искать положительные коннотации. Отметим также, что Д. Гэрриоч (и мы солидарны с ним в этом) видит, что С. Маза пытается разом опровергнуть многое – и самознательный буржуазный класс вообще, и идею капиталистического, и среднего класса, что создает у читателей путаницу в голове [8, р. 800–

802]. Эта проблема, на наш взгляд, проистекает из размытости самих существовавших терминов, и трудна для решения.

Большинство откликнувшихся на труд С. Мазы считает ее исследование если не убедительным, то стимулирующим для развития мысли. Для К. Адамс подход С. Мазы – это «новый путь» для размышлений о традиционном предмете, и она приветствует поиски в социальном воображаемом [3, p.629–630], а С. Дизэн считает ее успехом связать его вместе с буржуазией и политической культурой Франции, хотя она явно неудовлетворена полученным результатом [6, p. 94]. Британский историк Кристофер Гуйвер рассказывает ей успех в развязывании споров по проблеме, хотя не верит, что многие исследователи будут мыслить по-новому [10, p.120].

Отметим, что особый интерес вызвал сравнительный анализ идентичностей. Не смотря на критику языкового детерминизма, Д. Гэрриоч признает, что британский и американский примеры, когда средний класс называет себя, говорит о важных вещах [8, p. 801]. К. Гуйвера привлекают аналогии буржуазии с евреями и американцами, и он даже предлагает расширить список образов за счет англичан и арабов [10]. Последнее предложение выглядит не удивительным в контексте нараставших в начале XXI в. миграционных потоков в Европу и проблемы мирового терроризма, связанной с Востоком.

Наконец, американский рецензент Том Коннер делает решительный шаг и вписывает С. Мазу в ряд историков – «иконоборцев» наряду с А. Коббенем, Ф. Фюре и Л. Хант, то есть в ревизионистский пантеон [5, p.1042]. Таким образом, сама исследовательница приобретает определенную идентичность в историографическом дискурсе благодаря изучению французской буржуазии. Насколько проблематична идентичность самого ревизиониста – это вопрос, который также можно было бы изучать и который тоже мог бы иметь

интересные решения.

Мы хотели бы обратить внимание и на другую проблему, которую можно было бы поставить, и которая, на наш взгляд, не прозвучала в дискурсивном поле обсуждений. Как в гендерных исследованиях прослеживается явление гендерных конфликтов на уровне самоидентификации, так и на уровне классового самосознания возникают схожие отклонения. Существует множество примеров, когда человек не ассоциирует себя с классом, к которому он по статусу должен относиться. Кроме того, как видно из исследования С. Мазы, вообще трудно найти авторов, которые напрямую заявляют свою идентичность. Также, как нам кажется, в рамках спора недостаточное внимание уделяется прояснению социальных статусов авторов, чья классовая идентичность ищется. И наконец, даже если восхваляемая идентичность позитивна, является ли она идентичностью самого автора, или, если она негативна, означает ли это стопроцентный отказ от нее?

Подводя итоги данной статьи, подчеркнем следующие моменты. Еще до обращения к исследованию проблемы французской буржуазии С. Маза выступала сторонницей изучения социальной истории на новом уровне, а ее прямой интерес к теме можно обнаружить в начале 1990-х гг., когда она призывала к изучению буржуазной культуры. В тот момент она признавала существование буржуазной (среднеклассовой) идентичности, но в процессе исследования вопроса в течение последующего десятилетия она отказалась от этого положения и сделала центром своего поиска социальное воображаемое.

Осознавая самую себя как конструкт современного общества и открыто признавая его влияние на свою историческую деятельность, используя достижения истории дискурса, исторической имагологии и гендерной истории, американская исследовательница пришла к выводу об отсут-

ствии положительной идентичности французской буржуазии в общественном обсуждении на протяжении 1750–1850 гг., за исключением нарратива либералов в 1820-е гг., и на основе этого сделала вывод о несуществовании самого класса.

Рефлексии историков по поводу ее предложений оказались двойственными. В целом приветствуя стимулирующую силу ее подхода и вписывая ее в ряды ревизионистов (на наш взгляд, речь идет о социо-культурном ревизионизме), они признали ее ответы в ряде случаев (в основном в отношении революционной и постреволюционной Франции) недостаточно убедительными. Были подчеркнуты примеры положительной идентичности класса в целом, либо наличия ее у капиталистов, отмечалась необходимость признать таковой сознание государственных служащих, критиковался чрезмерный языковой детерминизм. Никто из откликнувшихся на вызов не был готов пересечь красную черту и отрицать вслед за С. Мазой существование французской буржуазии как класса.

Но плюсы ревизии обычно заключаются в новом взгляде на традиционные проблемы, и случай С. Мазы в этом плане

не является исключением, он, несомненно, провоцирует движение исторической мысли вперед (случай неомарксиста Г. Хеллера, изучающего дискурс, тому несомненный пример). Время покажет, какие дальнейшие плоды такой подход принесет.

Во всяком случае, на наш взгляд, он вполне мог бы быть применен при изучении идентичности самих историков, которые в рамках историографии постоянно сталкиваются с постоянными классификациями и обобщениями. Принадлежность к определенным направлениям и школам тоже является конструктом, продуктом интеллектуальной деятельности, который сопровождается созданием положительных и отрицательных коннотаций, применением образа враждебного Другого. Называет ли историк себя тем термином, которым его обозначают его сторонники и оппоненты или нет, испытывает ли он кризисы идентичности? Вот целый ряд вопросов, которые неожиданно провоцирует изучение идентичности французской буржуазии в социальном воображаемом в период времени с 1750 по 1850 г.

Список литературы

1. Блуменау С. Ф. Французская революция конца XVIII в. в современной научной полемике // Вопросы истории. 1998. №9. С. 141–150.
2. Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы. М.: Наука, 2007.
3. Adams C. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // The American historical review. 2004. Vol. 109. №2. P. 629–630.
4. Bell D. Responds to Sarah Maza // French historical studies. 1992. Vol. 17. №. 4. P. 954–956.
5. Conner T. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // The French review. 2004. Vol. 77. №5. P. 1042–1043.
6. Desan S. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // Social history. 2005. Vol. 30. № 1. P. 93–94.
7. Fairchilds C. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // Business history review. 2004. Vol. 78. №1. P.159–161.
8. Garrioch D. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850// The Journal of modern history. 2005. Vol. 77. №. 3. P. 800–802.
9. Gordon D. Responds to Sarah Maza // French historical studies. 1992. Vol. 17. №. 4. P. 951–953.

10. Guyver C. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // French history. 2004. Vol. 18. №1. P. 119–120.
11. Harsin J. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // Journal of social history. 2004. Vol. 38. №1. P.269–271.
12. Heller H. Marx, the French revolution, and the spectre of the bourgeoisie// Science & society. 2010. Vol.74. №2. P. 184–214.
13. Maza S. Bourgeoisie // The Oxford handbook of ancien régime / Ed. by W. Doyle. Oxford: Oxford university press, 2012. P. 127–140.
14. Maza S. Christine Adams: A Taste of comfort and status: bourgeois family in eighteenth-century France // The Journal of modern history. 2001. Vol. 73. № 3. P. 682–684.
15. Maza S. Construire et déconstruire la bourgeoisie: discours politique et imaginaire social au début du XIXe siècle // Revue d'histoire du XIXe siècle. 2007. № 34. P. 21–37.
16. Maza S. Politics, culture, and the origins of the French revolution // The Journal of modern history. 1989. Vol. 61. № 4. P.704–723.
17. Maza S. The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850. Cambridge–London: Harvard university press, 2003.
18. Maza S. Women, the bourgeoisie, and the public sphere: response to Daniel Gordon and David Bell // French historical studies. 1992. Vol. 17. № 4. P. 935–950.
19. Sarah C. Maza. Curriculum Vitae [Electronic resource]. URL: [https:// history.northwestern.edu/documents/people/faculty/cvs/cv-maza.pdf](https://history.northwestern.edu/documents/people/faculty/cvs/cv-maza.pdf) (date of the application: 05. 02. 2021)

THE PROBLEM OF CLASS IDENTITY OF THE FRENCH BOURGEOISE IN THE WORKS OF THE AMERICAN HISTORIAN S. MAZA

The article examines a modern episode from the history of the revision of the image of the French bourgeoisie in English-language historiography. The author shows that at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries, the American historian Sarah Maza raised the problem of the identity of this class in the period from 1750 to 1850 and put forward a hypothesis for reflection about its non-existence in the social imaginary. The study traces how the historian comes to the formulation of this question, reveals the essence of S. Maza's socio-cultural approach, demonstrates the assessment of her views from the scientific community.

Keywords: French bourgeoisie, American historiography, Sarah Maza, class identity, social imaginary, socio-cultural revisionism, discourse, historical imagology, gender history.

References

1. Blumenau S.F. Francuzskaya revolyuciya koncza XVIII veka v sovremennoj nauchnoj polemike // Voprosy' istorii. 1998. №9. S. 141–150.
2. Chudinov A. V. Francuzskaya revolyuciya: istoriya i mify'. M.: Nauka, 2007.
3. Adams C. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // The American historical review. 2004. Vol. 109. №2. P. 629–630.
4. Bell D. Responds to Sarah Maza // French historical studies. 1992. Vol. 17. №. 4. P. 954–956.
5. Conner T. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // The French review. 2004. Vol. 77. №5. P. 1042–1043.
6. Desan S. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // Social history. 2005. Vol. 30. № 1. P. 93–94.
7. Fairchilds C. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // Business history review. 2004. Vol. 78. №1. P.159–161.
8. Garrioch D. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850// The Journal of modern history. 2005. Vol. 77. №. 3. P. 800–802.
9. Gordon D. Responds to Sarah Maza // French historical studies. 1992. Vol. 17. №. 4. P.

951–953.

10. Guyver C. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // French history. 2004. Vol. 18. №1. P. 119–120.

11. Harsin J. Sarah Maza: The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850 // Journal of social history. 2004. Vol. 38. №1. P.269–271.

12. Heller H. Marx, the French revolution, and the spectre of the bourgeoisie// Science & society. 2010. Vol.74. №2. P. 184–214.

13. Maza S. Bourgeoisie // The Oxford handbook of ancien régime / Ed. by W. Doyle. Oxford: Oxford university press, 2012. P. 127–140.

14. Maza S. Christine Adams: A Taste of comfort and status: bourgeois family in eighteenth-century France // The Journal of modern history. 2001. Vol. 73. № 3. P. 682–684.

15. Maza S. Construire et déconstruire la bourgeoisie: discours politique et imaginaire social au début du XIXe siècle // Revue d'histoire du XIXe siècle. 2007. № 34. P. 21–37.

16. Maza S. Politics, culture, and the origins of the French revolution // The Journal of modern history. 1989. Vol. 61. № 4. P.704–723.

17. Maza S. The Myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850. Cambridge–London: Harvard university press, 2003.

18. Maza S. Women, the bourgeoisie, and the public sphere: response to Daniel Gordon and David Bell // French historical studies. 1992. Vol. 17. № 4. P. 935–950.

19. Sarah C. Maza. Curriculum Vitae [Electronic resource]. URL: [https:// history.northwestern.edu/documents/people/faculty/cvs/cv-maza.pdf](https://history.northwestern.edu/documents/people/faculty/cvs/cv-maza.pdf) (date of the application: 05. 02. 2021)

Об авторе

Меер Евгения Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева (Россия), E-mail: jenu13@yandex.ru

Meer Evgeniya Sergeevna – Candidate of History, Associate Professor of the department of General history, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva (Russia), E-mail: jenu13@yandex.ru